

Инна Извекова

Горловский институт иностранных языков
Кафедра мировой литературы
и сравнительного литературоведения
Горловка, ДНР

BIBLID: 1450-5061, 20 (2016), p. 557–562

УДК 821.161.09"19/20":82.02

оригинални научни рад
примљено 16. 3. 2016.

прихваћено за штампу 1. 11. 2016.

АНТИУТОПИЈА: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ЖАНРА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье анализируются основные черты жанра антиутопии в современной литературе конца XX- начала XXI века, рассматривается ряд работ, предлагающих характеристику жанровой специфики антиутопии, акцентируется внимание на способности автора антиутопического произведения к прогнозированию, благодаря чему фантастический, по своей природе, текст переходит в реалистический.

Ключевые слова: жанр антиутопия, черты жанра, специфика жанра, тематика, проблематика жанра, прогнозирование.

Заметное место в современной литературе занимает интенсивно развивающийся жанр антиутопии. Его становление и формирование обусловлено как характером происходящих процессов в жизни мирового общества, так и закономерностями собственно литературного развития: здесь следует, прежде всего, напомнить об имеющей давнюю традицию в литературе жанре утопии, повлиявшем на жанровую специфику антиутопии. Только в отличие от утопии, то есть изображения идеального общества, в антиутопии авторы предлагают для анализа гипотетическую структуру антиобщества, к которому, к сожалению, может прийти человечество. Основой для такого прогноза становится эпоха, в которой писатель существует. Следовательно, антиутопические произведения, как правило, отражают страхи и надежды эпохи, ставят человека перед нравственным выбором.

Реальность показала, что счастливой жизни для граждан не удалось добиться ни в одном из обществ, претендовавших на то, чтобы воплотить в реальность благородные надежды утопистов. Возникновение тоталитарных режимов вызвало серьезные сомнения в возможности существования, пусть в отдаленном будущем, идеального общества, подорвало веру в добрые, героические, разумные начала человеческой природы. Вот почему возникает жанр антиутопии.

В современной антиутопии для нас нашли отражение актуальные явления конца XX- начала XXI века: процесс распада советской системы, создание новых государств на постсоветском пространстве, социальная напряженность в обществе, политические и экономические кризисы, геополитические проблемы, угроза ядерной войны и др. Писатели уделяют большое внимание вопросам не только социально-исторического, но и философского порядка: свобода и насилие, человек и государство, поиски путей духовного противостояния новому насилию, избавления от тоталитарного сознания. Поэтому при всей злободневности и конкретности современная антиутопия не ограничивается рамками только нашего времени, а приобретает широкое вневременное значение и обобщенный характер.

Основоположителем жанра антиутопии считается Е. Замятин с романом «Мы» (1924), ставшим первым важнейшим романом антиутопией XX века.

Появление этого романа послужило отправной точкой для написания ряда произведений данного жанра. Последователями Е. Замятина были Дж. Оруэлл («1984»), Р. Бредбери («451° по Фаренгейту»), О. Хаксли («О дивный новый мир»), Э. Бёрджесс («Заводной апельсин») и другие.

К настоящему времени отечественное и зарубежное литературоведение накопило немалый опыт изучения основных жанровых параметров антиутопии. Известен ряд работ, предлагающих характеристику жанровой специфики антиутопии. Среди них исследования А. Зверева, выделившего такие черты, «как обязательный романский конфликт, заключающийся в неприятии главным героем устоев государства» (Зверев 1989: 41); Р. Гальцевой и И. Роднянской, выделивших черту обязательного исключения из антиутопии «родительского принципа и отказа от прошлого» (Гальцева, Роднянская 1988: 225); Ю. Латыниной, представившей антиутопию в виде «знакового мира ритуальных форм» (Латынина 1992: 20); Т. Давыдовой, назвавшей антиутопию «попыткой поспорить с утопией, доказав несовместимость ее идей с реальной жизнью» (Давыдова 1991: 43).

Наиболее обстоятельной работой, характеризующей основные черты жанра антиутопии, является работа Б. А. Ланина «Русская антиутопия XX века» (Ланин 1993: 35). Автор выделяет ряд сходных черт, которые в той или иной мере присущи всем произведениям антиутопического жанра. По мнению Б. А. Ланина, тематически антиутопия непременно должна включать описание будущего утопически - организованного государства, причем для жителей этого государства его социальное устройство является совершенным, тогда как читатель воспринимает его как антигосударство. Социальная иерархия в таком обществе жестко закреплена регламентом, время людей строго прописано циркулярами, свобода человека, как, впрочем, и пространство – ограничено. Ведущими чертами, по мнению исследователя, являются «художественно воплощенный абсолютизм преступной кровавой власти» (Ланин 1993: 35); власть опирается на идеологические концепции, для которых истина непререкаема, и невозможны никакие диалоги; «форма правления – тоталитаризм, либо в чистом виде, либо подкрепляемый агрессивной технократией» (Ланин 1993: 35).

Ритуализация жизни – еще одна характерная особенность антиутопии: «там, где царит ритуал, невозможно хаотичное движение личности» (Ланин 1993: 25). Напротив, ее движение запрограммировано. Ритуальными в антиутопии являются казни и пытки. Кровавые ритуалы обставляются с особой церемонностью и пышностью. Различия между людьми или вовсе не признаются, или разрешены только в предписанных рамках поведения, при этом люди разделяются либо по социальным функциям, либо – по социальным слоям. По закону жанра, член такого общества не должен располагать полной и достоверной информацией о происходящем, а „только информационным суррогатом“ (Б. А. Ланин), пропущенным через фильтры государственной машины: «в идеале он не должен и думать — думать будет за него» (Ланин 1993: 32). Основной страх государства-антиутопии — это страх потери контроля. Люди должны полностью, безраздельно, безотчётно доверять тем, кто всё за них решит или, как минимум, не пытаться повлиять на что-либо существенное. Без этой полной передачи власти от народа к правителям антиутопия обречена.

Как известно, для жанра антиутопии всегда характерен конфликт человека и государства. Конфликт возникает там, где герой отказывается от своей роли

в ритуале и предпочитает свой собственный путь. Внешний конфликт всегда основывается на внутреннем сопротивлении. У героя появляется ощущение дискомфорта, отторжения навязываемых порядков, противоречащих человеческой природе.

Изменения, происшедшие в последние десятилетия в общественном сознании и в искусстве, повлияли и на эволюцию героя антиутопии. Герой современной антиутопии помещен в эпицентр не только государственных, но и мировых кризисов, катаклизмов, противоречий. Он несет на себе груз социальных, политических и экзистенциальных проблем. Впервые человек в антиутопии показан как объект для манипуляции общественным сознанием с помощью политических технологий и средств массовой информации. Личность в современной антиутопии оказывается в сложнейшем политическом и информационном поле, в условиях которого нелегко сделать нравственный выбор. Проверка человеческой природы не всегда оборачивается победой человеческого начала. Авторы констатируют страшные процессы духовной деградации, которые происходят во внутреннем мире личности. Писателей тревожит моральное состояние человека, которое становится главным критерием оценки общественного устройства и его перспектив. Как отмечает исследователь Б.А. Ланин, «в современных антиутопиях присутствуют некоторые уже известные русской литературе типы героев: странники-правдоискатели, философы, творцы, интеллигенты, чиновники. Вместе с тем в произведения последних лет пришли и новые персонажи: маргинальные герои, алкоголики, мутанты, политики, государственные служащие и др.» (Ланин 1993: 15). Расширение типологии героев в мировой антиутопии на рубеже веков дало возможность писателям всесторонне осветить проблемы современного человека, его нравственно-философские искания.

Социальная общность людей, которых авторы антиутописты описывают в своих произведениях, показана читателю в тупиковой ситуации. При этом сама тупиковость может быть технологической, политической и экономической. Как правило, спровоцировать подобную ситуацию могут непоследовательные и непродуманные действия властей. Развитие технических средств приводит к развитию машинного, искусственного интеллекта, роботизации, благодаря чему, можно установить тотальный контроль над обществом, отслеживать малейшие движения, отклоняющиеся от нормы, что позволяет еще в зачатке уничтожить инакомыслие.

В итоге мы видим, что у человека отнимается его право внутренней свободы, свободы критического мышления и оценки происходящего вокруг. «У человека последовательно вырабатывается абсолютный конформизм, четко очерчивается рамка мыслительной деятельности, выход за которую считается страшным преступлением» (Ланин 1993: 34). Как правило, сюжетная линия разворачивается вокруг одного «смелчачка», который позволил себе выказать неповиновение правящему диктату более сильных.

В жанре по-своему представлен вопрос о человеке и его месте в окружающей действительности, в мире. Здесь уместно отметить, что писатели-антиутописты, подобно естествоиспытателям, проводят своего рода научный эксперимент над общественной природой человека, «помещая его в заведомо искаженные, дивантные условия жизни и наблюдая за тем, как он будет себя вести» (Ланин 1993: 25). В данном случае, реализуя свое право выбора, человек следует одному из

двух возможных вариантов выхода из определенной экзистенциальной ситуации: либо подчиниться и принять предлагаемые условия и, как следствие, утратить собственно человеческую сущность, либо бороться, но и этом случае исход борьбы остается крайне проблематичным.

Подобный конфликт разворачивается в следующих произведениях: Е. Замятин «Мы», Дж. Оруэлл «1984», О. Хаксли «О дивный новый мир», Э. Берджесс «Заводной апельсин», В. Аксенов «Остров Крым», В. Войнович «Москва 2042», Л. Петрушевская «Новые Робинзоны», Т. Толстая «Кысь» и другие.

Немаловажной чертой любого произведения антиутопического жанра является способность автора к прогнозированию. Автор антиутопии пытается косвенно влиять на будущее, моделируя нежелательные варианты развития социума и человека в нем. В настоящее время мир очень близок к будущему, изображенному Е. Замятиным. Автор был прав: техника совершенствуется, она заменяет человеческие отношения: компьютеры, телевизоры, игровые приставки заменяют друзей и близких, с каждым годом она все больше и больше поглощает ум человека. Люди становятся менее восприимчивы к тому, что их окружает, чувства искажаются, эмоциональность снижается, зависимость от технического прогресса действительно делает их похожими на роботов.

Е. Замятина можно с полной уверенностью считать пророком в XX веке. Что же касается XXI века, то в наши дни эту роль успешно играет русский писатель, журналист Глеб Бобров. Одним из ярких примеров пророческой антиутопии стал его роман «Эпоха мертворождённых». В романе, опубликованном в 2008 году, ярко описывается гипотетическая гражданская война на Украине. Это «роман о реальном настоящем и возможном будущем...» (Бобров 2008). Автор с детальной точностью описывает начало, процесс и все последствия гражданской войны, отделение полуострова Крым от материковой части Украины, оглашение независимости Харьковской, Донецкой и Луганской областей, объединяющихся в Восточную конфедерацию (ВК). Оставшиеся области Украины входят в ЦУР (Центрально Украинскую Республику), которая начинает кровавую войну против своего же народа, «и хваленый поход на Национальную Единство окончился затыжными городскими боями, сожженными поселками, тысячами убитых и неисчислимыми беженцами» (Бобров 2008: 6). Боль, слезы, горечь утраты, страх смерти и все тяготы войны – все это сегодня оказалось отнюдь не вымыслом для жителей Донбасса. Они в реальной жизни стали героями, сошедшими со страниц романа Глеба Боброва. С началом политического кризиса и гражданской войны на Украине в 2014 году о романе «Эпоха мертворождённых» вновь заговорили, как о пророческом. События, которые казались абсурдным прогнозом в 2000-х годах стали жуткой реальностью. В романе читатель отчетливо наблюдает, как антиутопия трансформируется вследствие изменения отношений между изображаемым в произведениях миром будущего и сегодняшней реальностью. Антиутопия из литературы фантастической превращается в литературу реалистическую.

Итак, перечисленные ранее черты жанра являются фундаментальными признаками любой антиутопии, поскольку они составляют «жанровый каркас произведения» (Ланин 1993: 20).

Несомненно, с момента рождения жанра до настоящего времени антиутопия претерпевает изменения и эволюционирует. Некоторые идеи, давшие жизнь жанру, изживают себя, перестают быть актуальными, но в то же время многие из них остаются актуальными. Например, идеи научно-технического прогресса, пагубно влияющие на человека и окружающую среду, идеи уничтожения человеческой свободы, манипуляции человеческим сознанием и другие. При этом, конечно, новые антиутопии содержат и такие идеи, каких не было и не могло быть в классических произведениях этого жанра в силу существовавшей социальной действительности, от которой обычно отталкивается антиутопия. Поэтому целесообразно говорить об эволюции данного жанра.

В эпоху, существенные особенности которой обусловлены попыткой конкретной реализации вымышленного утопического миропорядка, грань между реальностью и антиутопией в произведениях становится все более зыбкой, пластичной. Реальное и антиутопическое переплетаются в ткани произведения, и этот синтез становится неотъемлемой чертой современных антиутопий.

Тесная связь жанра антиутопии с историческими процессами позволяет сказать, что данные произведения высвечивают наиболее проблемные участки действительности и существенно опасные общественные тенденции, которые, как правило, современны самому автору, например, тоталитаризм, фашизм и др. Таким образом, антиутопия становится ответом-реакцией на данные процессы и, одновременно предсказывает то, как данные тенденции могут развиваться в будущем, т. е. прописывают определенный сценарий.

Развитие жанра антиутопии в мировой литературе XXI века продолжается. И одним из основных ходов, при котором фантастический, по своей природе, текст превращается в реалистический, является поэтика романа «Эпоха мертворождённых» Г.Боброва. Перспектива изучения этого произведения заключается в возможности изучить процесс перехода литературы из сферы вымысла в литературу пророческую, реальную, находясь, при этом, в центре событий, так отчетливо изображенных автором в романе. Благодаря этому становится возможным обозначить и охарактеризовать новые пути развития жанра антиутопии.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобров (2008), Эпоха мертворождённых (Москва: Эксмо).
- Гальцева, Роднянская (1988), Помеха — человек. Опыт века в зеркале антиутопий (Москва: Новый Мир).
- Давыдова (1991), Евгений Замятин (Москва: Литературная учеба).
- Зверев (1989), Когда пробьет последний час природы (Москва: Вопросы литературы).
- Ланин (1993), Русская литературная антиутопия XX века. [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук (Москва).
- Ланин (2011), Наследие Евгения Замятина и современная русская антиутопия (Хоккайдо: Acta Slavica Iaponica).
- Ланин (1993), Анатомия литературной антиутопии (Москва: Общественные науки и современность).
- Латынина (1992), Литературные истоки антиутопического жанра [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук (Москва).

Николюкин (2001), Литературная энциклопедия терминов и понятий (Москва: Интелвак).

Ина Извекова

АНТИУТОПИЈА: ПЕРСПЕКТИВЕ РАЗВОЈА И ТРАНСФОРМАЦИЈА ЖАНРА У САВРЕМЕНОЈ КЊИЖЕВНОСТИ

Резиме

У чланку се анализирају основне особине жанра антиутопије у савременој књижевности краја XX и почетка XXI века, разматра се низ радова који се баве жанровским специфичностима антиутопије. Посебно се скреће пажња на способност аутора антиутопијског дела за прогностику, захваљујући чему се текст, који по својој природи спада у област фантастике, претвара у реалистички.

Кључне речи: жанр антиутопије, особине жанра, специфичности жанра, тематика, проблематика жанра, прогностика